

Андрей Фёдоров

Уроки Русского

12+

Андрей Владимирович Фёдоров

Уроки русского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67951397

SelfPub; 2022

Аннотация

Родной язык обязательно знать каждому, кто живёт в своей родной стране, и чем лучше ты им овладеешь, тем больше возможностей для тебя откроется в будущем. Для лучшего изучения языка нужен хороший учитель. Вот только каким он должен быть? Строгим или мягким, требовательным и непреклонным или вникающим в проблемы своих учеников?

Все герои выдуманы, а совпадения с реальными людьми случайны.

Андрей Фёдоров

Уроки русского

Иногда порою удивляешься, как меняется со временем твоё отношение к некоторым учителям. Тем, кого ты считал в своё время хорошими, сейчас ни за что бы не отдал на обучение своих детей. А к тем, кого считал отвратительными и ужасными, кого боялся и презирал, перед кем трясся и чуть ли не выслуживался, лишь бы угодить и не получить двойку, начинаешь относиться с должным уважением, признавая, что именно с этим учителем ты добился в учёбе наилучших результатов, что именно этот учитель predetermined твоё будущее на всю оставшуюся жизнь, каким бы мрачным и безурожайным оно бы ни оказались в итоге. Такой учитель в школьные годы имелся, наверно, у всех. Был и у меня.

Её звали Лилия Александровна Поскупова – простой учитель русского языка и литературы из простой средней школы под номером десять, стоявшей в нашем небезызвестном захолустье за полярным кругом. Казалось бы, чего в ней особенного? Обычная училка из обычной средней школы, перебиравшая страницы книг путём облизывания пальцев, обладавшая неприятным, писклявым голосом, увядающая на глазах, наносившая мерзопакостный макияж, скверно одевавшаяся, а также не забывавшая перед каждым уроком за-

чесать образовавшуюся с возрастом залысину. Таких по всей стране завались, было бы о чём писать! Неужели стоит уделять внимание подобной посредственности, обыкновенной для каждого села?

Но нет! Училка эта не была обыкновенной, не была посредственной. Наоборот, обладала удивительным свойством заставлять своих учеников добиваться наилучших результатов и делала это куда эффективнее, нежели другие учителя, в результате чего ребята сдавали экзамены по русскому языку лучше, нежели по выбранным ими для поступления профильным предметам. И я вам это докажу на примере собственном, на примере моих одноклассников и на примере тех, кто никогда у неё не учился. Уверяю, что результаты будут поразительны!

***

Впервые нам довелось познакомиться с Лилией Александровной ещё в далёком мае 2005 года, когда над беззаботными временами старого-доброго советского образования по билетам начали сгущаться тучи в виде ЕГЭ – тогда ещё чего-то экспериментального, чего-то далёкого, чего-то невысказанного, того, что отменят через пару лет из-за провала эксперимента. Ну а правда, что может быть лучше всем привычного классического советского экзамена по билетам? Подробности первого урока с ней я не помню, но о чём точ-

но не забыл, было то, что занятие оказалось своего рода открытым уроком, на котором присутствовали то ли наши родители, то ли другие учителя, а также что решали мы задания из материалов ЕГЭ 2005 года. Чтобы вы понимали, единственный госэкзамен тогда действительно наделал шуму в педагогической среде, изрядно всех взволновав. Кто-то говорил, что он сложный, другие утверждали, что он сделает детей тупыми. Тот урок, видимо, был призван доказать, что всё это неправда, и эксперимент, очевидно, удался: мы, ученики четвёртого класса сумели довольно успешно решить все представленные нам задания и не оступили. С другой стороны бояться ЕГЭ учителя так и не перестали. В том числе и сама Лилия Александровна. Просто им было легче по билетам, а тестовой системы они не понимали и не воспринимали всерьёз. Привыкли ведь к старой системе, из зоны комфорта выбираться не хотели, ибо сами сдавали в своё время экзамены по билетам тем учителям и преподавателям, кто в допотопные времена тоже сдавал экзамены по тем же самым билетам. Они, будто экипаж «Летучего голландца» из фильма «Пираты Карибского моря», буквально срослись с кораблём и уже не могли его покинуть, продав свою душу морскому дьяволу Дэйви Джонсу. И ладно бы, чёрт со всем этим, но страх перед ЕГЭ от учителей передавался ученикам. Так мы начали бояться экзаменов уже в то время, когда ужасаться им было ещё рано.

Лилия Александровна же аки сержант Хартманн из филь-

ма Стэнли Кубрика «Цельнометаллическая оболочка» или любой другой суровый офицер из армейской учебки, видимо, решила, что в словах Суворова о том, что тяжело в учении – легко в бою, есть соль. Вот и начался у нас с ней весьма тяжёлый процесс обучения.

Первые уроки она нас щадила, понемногу подготавливая к своему скверному и суровому характеру, терпимо относилась к нашим выходкам и нарушениям дисциплины. Но в один прекрасный момент Лилия Александровна не выдержала и решила нас проучить. И поверьте: кто через это унижение проходил, никогда его не забудет.

Были у нас в классе два закадычных друга Ярик и Саша. Они всегда любили на уроках нарушить дисциплину, дай только повод. Другие учителя или сквозь пальцы смотрели на такое, стараясь лишь контролировать, чтобы те балагурили как можно реже и тише, или вообще старались не обращать на это внимания. Те, кому их предмет был нужен в дальнейшем, сами будут слушать то, что говорит учитель. Кому не надо по их мнению знать, например, историю, к своим тридцати годам будут охотно верить в то, что пирамиды построили инопланетяне, а учителя и учебники всё вралли, но он сразу чувствовал фальшь, потому и не слушал ничего на уроках – всё равно на них ни слова правды не сказали. Лилия Александровна же к своему предмету относилась куда серьёзнее. Будь ты хоть слесарем, хоть профессором математики, хоть даже бомжом по профессии, но в России рус-

ский язык знать был обязан.

Так во время очередного со стороны Саши и Ярика нарушения дисциплины, она вдруг резко прекратила урок, встала около стола и начала с нескрываемым раздражением пристально вглядываться в наши детские, наивные лица, мечтавшие не о постижениях новых знаний по русскому языку, а прохождения всяких разных стрелялок на компьютере. Смотрела она на нас долго, лицо её краснело, а мы всё ещё глупо хихикали, не понимая, чего она хочет этим добиться. Стоит глупенькая, молчит, пока мы сидим тут и ржём над ней как лошади. Даже сказать ничего не может, не ругается! И что дальше то?

Но потом чудесным образом все начали успокаиваться. Хихиканий и разговоров становилось всё меньше, но больше витало в воздухе некое напряжение от неловкости: мы вдруг почувствовали, что нам всем понемногу становилось стыдно. Всё-таки взрослый, уже пожилой человек тут стоял перед целым классом остолопов, неспособных заткнуться, когда их просят. Казалось, ещё чуть-чуть и пойдёт к директору на весь класс жаловаться, ну или доведём Лилию Александровну до сердечного приступа, ведь лицо её всё более краснело, а мышцы на нём выглядели перенапряжёнными.

И прямо в тот самый момент, когда весь класс быстро стих и наступила гробовая тишина, а мы смущённо уткнулись в парты, не желая сталкиваться с учительницей взглядами, Лилия Александровна пошла в наступление, окончательно рас-

ставив все точки над і. Но нет, она не истязала нас розгами, как было принято в далёкие времена. Наоборот, лупила глаголом. И голос её писклявый (представьте сейчас «политолога» Екатерину Шульман, и поймёте, о чём я), старческий и трясущийся казался циркулярной пилой, режущей живую плоть.

– Наговорились? Теперь я могу говорить? – спрашивает Лилия Александровна, окидывая нас презрительным взглядом, – или мне вам не мешать?! Так вы скажите, я уйду. Раз вы тут самые умные, чего мне у вас уроки вести? Будете сами ЕГЭ сдавать, а потом в результате никуда не поступите. И все пойдёте поголовно дворниками работать. Или всё-таки, может быть, позвольте мне вести урок дальше? Я вас перекриковать тут не собираюсь. Не усвоите материал, будете потом позориться в университетах, неспособные два слова друг с другом связать. А потом на работе... Да с вами связываться никто не станет, так как друг с другом два слова связать не сможете! Кому вы нужны будете? Во взрослой жизни требуется дисциплина, а вы и этого не можете сделать. Ну если вам так нравится, то без проблем. Вы вообще можете написать на меня коллективную жалобу и отказаться, мол, вам не нравится, как я вас учу. Никаких трудностей нет, было бы желание. А дальше, что и как у вас будет, это уже не моё дело! Не хотите учить русский язык – не надо! Вас никто не заставляет! Можете вообще на уроки не ходить. Зачем, если вы и так всё знаете, раз меня слушать не хотите? Только вот если

я вызову сейчас к доске любого из вас, задам пару сложных вопросов, которые опускают на уроках другие учителя русского языка, так как у них времени вам разжёвывать материал нет, вы ответить не сможете. А это важно, это спрашивают на экзаменах, я знаю. И сейчас, распинаясь тут перед вами, даю вам знания, которых другие не дадут, разжёвываю и помогаю проглатывать – вам только переварить осталось! И вам по хорошему надо бы слушать, вникать, впитывать как губкам, чтобы потом после школы было хоть куда-нибудь и хоть с чем-то за спиной прийти. Но я сейчас вижу, что вы не хотите. А если сейчас ошибаюсь, то вам нужно на моих уроках молчать и слушать. Это мои требования. Ещё раз повторю, если вам они не нравятся, лучше от меня отказаться. В ином случае мне на моих уроках нужна дисциплина. И я прошу вас мои требования неукоснительно исполнять. Так у вас будет то, чего не дадут вам другие.

Внезапно прозвенел звонок. Лилия Александровна продолжала:

– В итоге что у нас? Половину урока пропустили только потому, что вы не можете нормально сидеть и слушать. Когда этот материал наворачстаем, не знаю. Будем стараться. Если вы, конечно, хотите. Я вас не уговариваю. А так идите сейчас на перемену и задумайтесь над моими словами. Все свободны.

Она потом ещё не раз повторяла такие методики давления на нас во имя поддержания дисциплины. Но с каждым

разом мы вели себя всё смиреннее, дисциплина становилась твёрже. И, несмотря на то, что нам это не нравилось, но учились у Лилии Александровны скрипя зубами, думая, что она несправедливо строга, и в то же самое время будучи уверенными, что её слова про углублённые знания, не даваемые другими учителями, правдивы. Тогда, конечно, сравнить было не с кем и не с чем, но уже в десятом классе, когда ряды нашей старой гвардии пополнились новенькими, именно мы у неё, считай, ветераны, были самыми успевающими и дисциплинированными, что её очень радовало.

Но тогда уходили на перемену мы выжатыми до последней капли. Никто даже слова сказать не мог. Все только убедились в одном: на уроках Лилии Александровны дисциплину лучше не нарушать – себе дороже. Впрочем, как оказалось потом, это были не единственные её требования. Дальше только хуже...

Бывали моменты, когда, зная, что первым уроком у меня будет русский язык, я просто не хотел появляться в школе. Почему? Да потому что знал, что каждое утро у нас с Лилией Александровной будет разбор полётов по поводу домашних заданий. И не дай Бог, оно окажется написанным неаккуратным почерком, не по правилам ею установленным! Если что-то сделал не так – вешайся!

Когда шли что-то решать у доски, то молились всем богам всех религий, чтобы Лилия Александровна не вызвала именно нас. Почему? Да потому что в случае ошибки отчи-

тает по полной, да ещё и взглядом окинет таким гневным и презрительным, будто в голове у неё маячила единственная мысль: лучше бы ты, сволочь, не рождался на свет Божий. Конечно, это заставляло работать над собой, но самооценку понижало серьёзно. Впрочем, и это была не самая жесть. Но до неё родимой мы ещё доберёмся.

В то же самое время и сказать, что Лилия Александровна была прямо тираном, нельзя. Ведь к тем, кто учился хорошо, русский язык постигал без проблем, правила и требования её соблюдал, уроки учил, домашние задания делал всегда и вовремя, она относилась чуть ли не с материнской любовью, отдавая в дар тёплую улыбку, милость и даже некоторые послабления в дисциплине. Всего у нас в классе было сначала две, а потом после перевода из других школ и четыре отличницы, которых она чуть ли на руках не носила за безупречное знание русского языка. Притом это самое «на руках носила» иногда смотрелось так, будто она их ещё и облизывала, чтобы блестели. Будто считала своей прелестью, каким для Голлума во «Властелине колец» Толкина было кольцо всевластья. Надо ли говорить о том, что именно по этой причине мы, остальной класс, отличников просто ненавидели, считая подлизами, заслуживающими похвалы от Лилии Александровны только за то, что те просто соблюдали правила и никак её методике обучения не противились? Да, именно поэтому и ненавидели...

А пока мы страдали, изнывая на уроках, наши родители, разумеется, о творившейся «жести» были прекрасно осведомлены, потому что не жаловаться мы, изнемогавшие от её суровых и строгих требований, не могли. Суровая дисциплина означала единственное: мы тратили на домашние задания по русскому больше всего времени в ущерб другим предметам. Притом проводили время за уроками порою до глубокой ночи, лишь бы успеть до завтра. А ведь у нас ещё история, английский, физика, математика и т. д., которыми мы жертвовали, лишь бы успеть сделать русский. Разумеется, многим родителям из-за этого казалось, что Лилия Александровна требует от нас сверх меры, будто думает, якобы других предметов в мире просто не существует. Если бы они ещё узнали, о том, что у нас было пять уроков русского в неделю и всего две или три математики, то окончательно бы убедились в том, что учитель явно перегибает палку со своими требованиями. Особенно это было актуально, если родители хотели, чтобы их дети стали программистами, инженерами или физиками-ядерщиками. Впрочем, и помимо этого к Лилии Александровне претензий хватало по поводу домашних заданий, сочинений и т. д. По этой причине наши папы и мамы, недовольные методикой учителя, приходили с ней разговаривать по этому поводу и высказывать своё однозначное возмущение.

И если вы думаете, что хоть один из этих серьёзных разговоров с ней у наших родителей увенчался успехом, то нет. На любой аргумент весом с молоток находился ответ Лилии Алексеевны с кувалду. По крайней мере моих точно она смогла убедить, что это не от меня требует невозможного, а, наоборот, я ни черта ни на что неспособен. Мои восприняли это как призыв к действию и заставили терпеть. Другие же родители хоть и приняли её аргументы к сведению, но сделали это скрипя зубами, потому что проблема по сути не решалась. Мы продолжали тратить на русский язык непропорционально много времени.

Но в один момент терпению группы некоторых родителей на собрании пришёл конец. Обговорив всё с чадами, они поставили вопрос о том, что от Лилии Александровны пора отказываться. Классный руководитель с их доводами согласился и предложил проголосовать на следующем собрании, быть ли ей нашим учителем русского или нет? Как только об этом сообщили классу, радостные крики на весь кабинет были, в том числе и с моей стороны. Но больше всех были рады трое учеников: два мальчика и одна девочка. Один из пацанов Дима был моим лучшим другом, другой оказался как раз Ярик, а с той девчонкой Лерой мы очень тесно общались. Против же были отличницы, совершенно не радовавшиеся тому, что уровень их знаний с более слабым учителем упадёт, а Лилия Александровна объективно была лучшей во всей школе.

Родители отличников тоже, разумеется, были против того, чтобы знания их детей падали качеством только потому, что кто-то не успевает за остальными или кому-то учитель не нравится по личным причинам. Уж каким образом они в итоге сумели убедить остальных, что Лилию Александровну нужно оставить, я не знаю. Но факт остаётся фактом.

После того, как на следующем родительском собрании учителю вынесли вотум доверия, а предки доложили о результатах чадам, мне от Димы прилетело знатно, мол, я предатель, потому что мои родители проголосовали против замены учителя. Спорить с ним не стал. Предатель? Ну ладно, хорошо! Просто всё дело было в том, что Лилию Александровну я тоже тогда не любил, как и остальное большинство класса, но особо не жаловался родителям про её методы обучения, как и остальное большинство тоже не ябедничало, хоть на уроках и скрипело зубами. Более того меня отец бы наверняка одарил подзатыльником, начни я ему рассказывать, как плохо и тяжело с ней учиться. Наоборот, заставит в три раза усерднее сесть за учебники и получить в следующий раз четыре, а не три, нежели поведётся на моё нытьё о плохом учителе. Но что Диме и другим «оппозиционерам» рассказывать теперь, чего оправдываться, если теперь у тех, кому учительница не нравится, два выхода: или оставаться, терпеть, или уходить в другой класс, в другую школу? Поезд всё равно ушёл, и Лилии Александровне нужно было сделать нечто экстраординарно омерзительное, чтобы про-

тив неё выступили с новой силой даже те, кто решил высказать нейтралитет или молчаливое согласие. А она при всей строгости в целом учительской этики никогда не нарушала.

И да, это не опечатка. Я действительно написал «в целом». Почему? Потому что были свои нюансы. И понимаю, конечно, что вы уже сгораєте от любопытства узнать, где она творила в отношении учеников реальную жесть, но попрошу ещё чуть-чуть подождать, чтобы дать вам цельную картину происходивших тогда событий.

***

С одной стороны ладно русский язык! Лично я стерпеть её требования по этому предмету был готов. Но вот ещё одна проблема заключалась в том, что она также являлась и учителем литературы. А с этим у меня тогда были большие неприятности...

Это сейчас я с удовольствием могу прочитать Булгакова, Толстого и Достоевского, но тогда в школьные годы меня более всего увлекали три вещи, во имя которых я был готов открыть книгу: фантастика и фэнтези, энциклопедии по военной истории и оружию. На моих книжных полках непременно стояли Жюль Верн и Джон Толкин, а также энциклопедии об оружии, битвах и великих полководцах. Я взахлёб прочитал «Айвенго» Вальтера Скотта и «Спартак» Рафаэло Джовальони, был в восторге от «Тараса Бульбы» и тре-

тьего тома «Войны и мира» (а точнее от описания Бородинской, Аустерлицкой и Шенграбенской битв), но меня тошнило с «Дубровского», меня раздражали «Мёртвые души», я плевался с «Детства», «Отрочества» и «Юности», искренне ненавидел «Муму», «Отцов и детей». Такие у меня были вкусы. Я мечтал археологом и военным историком стать, а душевные терзания героинь книг Толстого меня совсем не интересовали. Как правильно мы подметили позже с двоюродной сестрой, она в «Войне и мире» молилась, чтобы побыстрее закончилась «война» и начался «мир», а я из всего эпоса Толстого прочитал только «войну» и вообще не прилагивался к «миру», до того он мне был скучен и уныл.

В итоге я находил тысячу причин не читать те же «Мёртвые души», соответственно и получал двойки. И тут я особенно выделяю это произведение, потому как именно оно, по всей видимости, было у Лилии Александровны любимым (Гоголя она просила «любить и жаловать»), посему и потребовала всем его прочитать от сих до сих, потому и мучила им нас в течение месяца, а может быть, и двух. Притом снимала ради литературы уроки русского, хотя до этого всегда было наоборот! И раз уж появилась такая возможность, дайте похвастаюсь своим антирекордом: я за этот срок получил по литературе подряд двоек пять или десять. Точно уже не помню. Притом две последних она поставила, не став принимать на проверку моё конечное сочинение, так как было очевидно, что по произведению, которого не читал, сам я написать

ничего бы не смог. В конце четверти еле вышел на тройку, рассказывая стихи Тютчева и Фета наизусть, да найдётся им в раю за простые и запоминающиеся строчки особое место. Но с тех пор, клянусь вам, я Гоголя возненавидел. Не из-за того что он плох, а потому что получить несколько двоек подряд за одну четверть – в этом нет и не может быть никакого удовольствия, но только одно лишь страдание. Только разве что удовлетворение от героического самовыкапывания из могилы, как делала Беатрикс в «Убить Билла», в которую сам попал из-за лени и любви к военной истории.

Ой не возлюбила меня после этого Лилия Александровна. Теперь на каждом уроке литературы, когда начиналась очередная проверочная работа по новому произведению, будь то «Обломов», «Война и мир», либо «Преступление и наказание», спрос с меня был двойной. Тогда же открыл для себя краткие пересказы произведений и аудиокниги – много сил и нервов спасли. И да будет свят тот, кто их придумал.

С другой стороны Лилия Александровна всегда оценивала старание. И в этом она была большим молодцом. Так от большой любви к военной истории и особенно к эпохе Наполеоновских войн, клянусь, я раз пятьсот прочитал стихотворение Лермонтова «Бородино». Будучи уверенным в своих силах и в памяти, я один из всего класса вызвался выучить наизусть этот стих, ибо после пятисотого прочитанного раза строчки про недаром Москву, спалённую пожаром, внутри мозга были уже, считай, в граните выбиты. Но к своему

стыду, выйдя к доске, гранит мой раскрошился на мелкие кусочки, словно был он на самом деле всегда мелом, и я половину строк совершенно забыл!

Лилия Александровна должна бы мне тройку поставить, но вместо этого рассмеялась, махнула рукой и поставила в дневнике пятёрку со словами:

– Всё, садись. Вымучил.

– Спасибо! – я абсолютно довольный результатом улыбнулся. Такая её мягкость меня поразила в тот момент, но уже потом чуть всё обдумав и поразмыслив, я убедился, что пускай Лилия Александровна и была невероятно строгой и требовательной, но, повторюсь, она всегда готова хорошо оценить человека, если убеждалась, что тот старался. И это был лучший её профессиональный навык. Правда, пользовалась она им не всегда, в чём вы чуть позже сможете убедиться на примере моего лучшего сочинения, но тем не менее.

***

Но на самом деле детсадовской ерундой были все эти проверочные по литературе и задания у доски, контрольные и стихи наизусть, ведь особо сильно Лилия Александровна любила валить двойками за сочинения! Именно они были предметом наибольшего ужаса у всего класса, именно из-за них у неё с нашим ученическим коллективом возник самый большой и кровопролитный (если кровью называть высосанные

нервы) конфликт.

И всё ничего, и всё терпимо. Не так страшна была её строгость и требовательность, если бы не любовь Лилии Александровны самые нелепые моменты из сочинений зачитывать всему остальному классу, потому что она всегда призывала учиться на чужих ошибках.

Как это выглядело со стороны? А вы представьте, что являетесь уважающим себя кинорежиссёром, не терпящим такого, чтобы кто-то высмеивал вас и ваш труд. И тут появляется BadComedian, поливающий нечистотами сделанный вами кинофильм, на создание которого угробили годы жизни и миллионы долларов, миллиарды нервных клеток, вкладывая в работу всю душу, жертвуя во имя прекрасного самым для вас драгоценным. И это не просто когда вас критикуют за дело, но и едко высмеивают; да так, что вся Россия во весь голос смеётся и над вами, и над вашим трудом. Вот так мы себя и чувствовали в те моменты, когда учительница читала вслух всему остальному классу наши сочинения. Она была Женей Баженовым, а мы внезапно для себя оказались Сариками Андресеянами, Александрями Невскими, Жорами Крыжовниковыми и Максимами Воронковыми. И ладно были бы взрослые, но разум наш совершенно не окреп, а над рассудком преобладали эмоции и переживания.

Самое лучшее, что могло произойти, это если Лилия Александровна найдёт в сочинении, оценённом ею в целом хорошо, какой-то смешной отрывок и зачитает его. Учиты-

вая, что сочинение вышло хорошим, не так и обидно посмеяться над собой. Так, например, сделав в целом отличную работу по одному из рассказов Джека Лондона, я написал в нём такой отрывок: «главный герой в припадке жажды бросается пить воду из грязной лужи». Смешно? Согласен, я тоже при прочтении посмеялся от души, хотя когда писал дома, даже не помню, почувствовал ли, что строчка выглядит со стороны смешной. А если осознал, но переписывать не захотел, то это просто был глупый и нелепый момент, где посмеялся сам над собой и над своей ленью, что заставила не сочинить что-то более вменяемое, а оставить всё как есть, следуя бессмертному совету Вовки из мультика про его приключения в Тридевятом царстве: «Ладно, и так сойдёт!»

Хуже было, когда учительница высмеивала не просто глупые моменты, а в целом изложенные в сочинениях мысли. Тут весь остальной класс хохотал, а тебе было больно, потому что смеялись над твоей глупостью, над твоим невежеством – а тут, сами понимаете, страдает эго. Больно на душе, когда выглядишь тупым в глазах других. И лучше уж пускай она прочтает всё серьёзно, а потом с возмущением заметит, что мозг у нас совсем не кашеварит, чем сделает то же самое, но перед этим и высмеет каждое написанное нами слово. И уж точно куда лучше получить двойку за списанное, но хорошее сочинение, но не быть высмеянным, чем краснеть на виду у всего класса, делая вид, что работа не твоя. А к чести Лилии Александровны, когда она жёстко высмеивала

чьё-либо сочинение, то автора «шедевров» никогда не называла. Но от того менее обидно не становилось.

Хуже было тогда, когда она высмеивала не наши, а мысли наших родителей. Вы же не думали, что они могли бросить своих детей один на один на произвол судьбы, если видят, что их чада приносят из школы очередную двойку за сочинение? Конечно, тут иначе никак – только садиться писать *magnum opus* о том, как провёл лето, вместе с ребёнком. И когда получаешь двойку, да ещё и высмеивают за изложенные там мысли, становится вдвойне обидно, потому что унизили не только тебя, но и твоих родителей. А оскорбление последних для любого уважающего себя человека – это повод кинуть сопернику перчатку и сразу после биться насмерть, нежели терпеть унижения аки самая последняя тряпка.

Так и произошло у Лилии Александровны с моей одноклассницей Лерой Кабановой. Впрочем, раз уж заговорил про них, стоит сразу сказать, что она под началом нашей учительницы русского грызла гранит науки с самого начала. Ей не нужно было привыкать к характеру Лилии Александровны и её методике работы. Лера так же, как и остальные, терпела, мучилась и страдала, потому с одной стороны её неожиданное решение идти на конфликт с учителем выглядело необычным. Но всё сразу встанет на свои места, если взглянуть на развивавшуюся тогда ситуацию совершенно под другим углом, а не делая из учительницы, либо из уче-

ницы виноватую.

Ситуация тогда была в принципе накалённая. Именно в этот период наша учительница по русскому своей строгостью и придирчивостью успела надоесть большей части класса. Именно в этот же период так совпало, что Ленка успела поругаться и с одной из любимых учениц Лилии Александровны Юлей Паулаускас (её отец по национальности литовец). Конфликт на самом деле был обыденным и легко решаемым, если бы стороны решили помириться. Но кому это было нужно? Одна что-то обидное ляпнула другой, а та ответила, и пошло-поехало. Были разговоры даже про то, чтобы забить стрелку или устроить тёмную. А ещё у Леры буквально в заднице свербило от одной только мысли о том, чтобы на восьмое марта подарить Юле станок и пену для бритья, так как у той над верхней губой росли заметные усики, бороться с которыми означало только усилить рост волос, сделав пушок, таким образом, намного выразительнее.

А ещё Лера, как ни крути, мнения о себе была невероятно высокого. Уж не знаю, что тут сильнее повлияло – её воспитание, либо рождение под знаком зодиака льва, но она терпеть не могла, когда её высмеивали или выставляли откровенной душой. Лилия Александровна же, как вы помните, отличалась тем, что легко могла унижить любого ученика, просто прочитав его сочинение вслух остальным. Юля же, как её любимица, не только была примером для других учеников, как писать работы правильно, но и всегда пользовалась воз-

возможностью ещё больше унижить одноклассника, чьё сочинение прочитали, фразами типа: «Что за идиот мог такие глупости накалякать...» – а Лилия Александровна её ещё и хвалила за едкий комментарий. Вот так, поддакивая учительнице и отличаясь крайней степенью надменности (считала, что те, кто не имеет высшего образования, должны быть нищесборщиками), Юля в глазах Леры стала объектом наиболее крайнего презрения. Любой комментарий от Паулаускас в свой адрес для неё был унижительным оскорблением, и в своей ненависти к Юле Лере было просто не остановить.

Кульминация всего этого водоворота ненависти в природе наступила, казалось бы, в самый обыденный день проверки сочинений, когда ничто не предвещало беды, ибо все уже знали, что Лилию Александровну, скорее всего, как всегда 60-70% работ не устроят. Так что сенсации или жесточайшего провала в тот день никто не ожидал.

Но именно тогда Лилия Александровна прочитала сочинение Леры, именно в тот момент каждая из вычитанных строчек заставляла класс взрываться от смеха, а Юля Паулаускас, надрываясь от хохота, оглядывалась вокруг и спрашивала:

– Да кто эту чушь написал?

– Вот так, Юль. Сама поражаюсь... – отвечала своей любимице Лилия Александровна.

Это и стало последней каплей. На следующий день в класс ворвалась мама Леры и начала отчитывать учительницу, мол,

какого чёрта та поиздевалась над её дочуркой. Лилия Александровна изрядно удивилась самому факту претензий, потому как автора сочинения, разумеется, не называла. В итоге так и разошлись, не выяснив, кто прав, кто виноват. А на следующей неделе на первом же уроке русского учительница сама начала отчитывать уже Леру.

– Скажи пожалуйста, почему ты на меня клеветашь, что якобы я над тобой издевалась?

– Клевету?! – удивилась Лера.

Лица обоих покраснели от ярости. Казалось, ещё чуть-чуть, и от перенапряжения, витавшего в помещении, во все стороны полетят молнии как в боевиках 80-х и убьют каждого из нас, находившихся там в момент спора.

– А что это, как не клевета?!

– Но вы же издевались!

– Как?

– Не так прочитали моё сочинение!

Лилия Александровна обратилась к классу:

– Ребята, я хоть раз, высмеивая чьё-либо сочинение, называла имя автора?

Отличники мигом и чуть ли не хором отвечали:

– Нет!

– А вот Лера Кабанова у нас говорит, что да. Вы представляете? За более чем тридцать лет учительской практики ни разу не было такого, чтобы меня так нагло клеветали...

– Лилия Александровна, если хотите, я могу уйти...

– Да не нужно мне, чтобы ты уходила! Я хочу, чтобы на меня перестали клеветать, потому что это уже всякие границы переходит!

Сразу после этих слов Лера собрала свои вещи и вышла из класса. Все находились в недоумении и даже не знали, как на это реагировать, ведь с одной стороны Лилия Александровна действительно автора сочинения не назвала. А с другой мы, двоечники и троечники (твёрдых хорошистов у нашей учительницы традиционно не было; если хорошист, то только на грани с троечником) знали, что Лилия Александровна с высмеиваниями перегибала палку. И даже не нужно было слышать своё имя, чтобы почувствовать себя униженным и оскорблённым, настолько остро и едко она проходилась порою по каждой нелепости в наших строчках. И это она делала на весь класс к тому же. По итогам все понимали, что наша учительница оболгана, но открыто поддержать её решались только отличники, ибо ненависть от страха перед ней не имела никаких границ. Тем не менее, открыто против учителя кроме Леры больше никто идти не осмелился.

На следующий же день классный руководитель поставил учеников перед фактом, что Лилия Александровна отказывается от нашего класса, и уроки следующие две недели с ней будут, возможно, последними. Но в этот раз даже интриги не получилось. Инициативная группа мам отличниц пришла к учительнице русского на поклон и сказала, мол, хотим, чтобы педагогом у наших детей были вы и только вы. Лера же,

посоветовавшись с родителями, ввиду бесперспективности борьбы вследствие такого мощного лобби пришла к тяжёлому решению, что ей нужно переходить в другой класс. Вот так всё и закончилось.

И если для Леры всё выглядело легко и просто, то нам, то есть всем остальным ученикам было решительно непонятно, почему она так поступила. Для нас это выглядело не иначе как слабость, потому что не только Лилию Александровну она называла причиной своего перевода, а ещё и Юлю Паулаускас. Лера всегда казалась мне крепким духом человеком, чтобы обращать внимание на четырёхглазую зазнайку не с усиками, а с пропуском в трусики, грозящими вырасти с возрастом в усищи как у Микитко сына Алексева. Но она почему-то её подколов за свой ограниченный интеллект не стерпела. Притом Лера не сказать что и физически слабой была. Могла стрелку забить, могла тёмную сделать – всё как и мечтала. Да что угодно можно было сотворить, чтобы Юлю наказать! Но просто так взять и сдать... Я был о ней лучшего мнения, несмотря на то, что относился сдержанно и прохладно. Но тем не менее!

Что касается Лилии Александровны, то уйти из-за неё – весомая причина, раз она не покинула нас. Но, хочу заметить, доставалось от неё большей части класса, а не только Лене, и никто не жаловался: все хотели получать знания и хорошо владеть своим родным русским языком. Неужели это был не повод её стерпеть? Моему школьному другу Димо-

ну порою доставалось от Лилии Александровны больше, но он не бежал аки крыса с корабля, притом, что этот самый корабль даже не тонул. Наоборот, к девятому классу он собрался с силами и поднял свой уровень знаний по русскому настолько, что меня обошёл!

В конце концов, я сам в своё время из десятой школы не перешёл в шестую только из-за того, что не хотел менять знакомых и привычных учителей, а также хоть и порядком надоевших, но простых и понятных как три копейки одноклассников. Адаптация к новым – всегда стресс, а за год до экзаменов переходить – вообще мука. Впрочем, это ещё раз подтверждает, что Лера была на грани, поэтому и решилась перевестись. Я был терпеливее и смиреннее, поэтому остался.

***

К слову о профессиональных навыках, о которых я обещал вам рассказать. Однажды мне удалось Лилию Александровну таки интеллектуально и морально одолеть. И не премину возможностью похвастаться своим подвигом!

Однажды мы писали сочинения на специальную тему. Нам нужно было применить в тексте приём перехода от настоящего времени к воспоминаниям, как раз изучаемый нами в ту неделю. Притом, главная сложность состояла в том, что нужно было опросить родственников и написать реальную историю, дабы исключить возможность списывания.

Задача, скажу вам честно, братцы, оказалась не из лёгких. Мать с отцом ничего интересного придумать не могли, двоюродную сестру свою донимать хотелками Лилии Александровны как-то тоже не хотелось: она и так в тот год училась то ли на третьем, то ли на четвёртом курсе кафедры математической лингвистики в СПбГУ, а ей ещё на сочинение младшего брата отвлекаться?

В итоге плюнул на всё и решил сочинить сам. Придумал историю про дедушку, бравшего Берлин и попавшего в засаду на танке за пару-другую километров до Рейхстага. По сюжету он с экипажем зашёл немцам во фланг, в ходе боя овладел вражеской пушкой, и из неё прямой наводкой вдавил по немецкой засаде, таким образом, решив исход боя в свою пользу. А учитывая, что военную историю я знал в свои пятнадцать лет отменно, то и описание батальных сцен получилось особенно удивительно сочным.

Как оказалось во время проверки, задача оказалась сложной опять же для большинства моих одноклассников. Кто-то так и не понял, о чём вообще нужно было писать, а кому-то приём этот оказался непомерно сложным, нежели их интеллектуальная сила, посему ребята в основном не справились.

Тут Лилия Александровна берёт мою тетрадку. Я сразу понимаю, что, скорее всего, тоже пролечу или потому что история выдумана, или из-за неправильного применения приёма. Короче, ожидал худшего.

Но к моему удивлению она начинает зачитывать отрывок

сочинения и неожиданно спрашивает:

– Откуда списал?

Вопрос, признаюсь, поверг меня в шок. Что ответить, не знаю. Точно помню, что весь вечер вчера сам корпел над каждой строчкой, надеясь хотя бы на тройку, в лучшем случае на четыре. Но уверен, что не списывал. Вопрос застал меня врасплох, посему растерялся.

– Я сам всё сделал...

– Не ври. Я вчера сама взяла калькулятор и посчитала. Твоему дедушке сейчас не может быть девяносто два. Откуда списал?

– Я не списывал!

Лилия Александровна не унималась.

– Слушай, я принципиальная. Специально буду шерстить литературу, искать источник. Не дай Бог найду, завалю в конце года. После этого даже на тройку за год не рассчитывай.

Предложение было таким, от которого отказаться сложно. Почти невозможно, как иногда нельзя сказать «нет» требованиям мафии, если утром просыпаешься в постели и видишь отрубленную голову любимой лошади у своих ног. Можно просто сказать, что откуда-то списал, получить две двойки, переписать потом, и заработать в конце две тройки – хоть отстанет. А так Лилия Александровна при желании и сову на глобус натянет, дабы доказать, что сочинение списано: уж я то знаю! Будет у какого-нибудь Астафьева (у которо-

го я читал всего один рассказ про Сибирь) хоть мало-мальски отдалённое описание того или иного боя с заходом противнику в тыл или во фланг, как написано в моём сочинении, так прыгать же будет, что нашла оригинальный источник, а я потом уже от звания лжеца и вора не отмажусь. Не может быть такого? Да может. Мало что ли историй таких на войне? Да они тут и там, стандартные для любых конфликтов и сражений! Поэтому и вероятность того, что сходство с каким-либо другим произведением найдётся, оставалась. А потом её переубедить будет сродни попытке доказать европейцу, что радио изобрёл Попов, а не Маркони.

Так что сдать было бы проще. Но вместо этого во мне воспылал праведный гнев. Я ведь не списывал, каждую строчку вымучил! А если плагиат есть, бремя доказывания лежит на Лилии Александровне, коль она это утверждает. А там, если надо, через суд проверим на антиплагиат! Но отнимать у меня созданное своими руками эта тиран в юбке не посмеет! Короче говоря, я решил идти до конца.

– Делайте что хотите, но я не списывал.

– Ещё раз повторяю, я всё посчитала. Этого не может быть, чтобы твой дедушка столько прожил.

– Не знаю, что вы там считали, но сочинение моё! Я его написал! Так что делайте, что хотите... – и развёл руками.

Двойку она мне так и не поставила, так как не нашла «оригинала», ибо он был записан в моей тетради в единственном экземпляре. Но и хорошую оценку тоже ставить не стала. Я

вообще ничего за это сочинение не получил, так как продолжал настаивать на своём, а она убеждала себя в том, что строчки были у кого-то сворованы, так как не может патологический троечник так хорошо написать, как якобы не мог и Шолохов «Тихий Дон» написать. Вышло ни нашим, ни вашим. И не сказать, мол, я остался недоволен. Наоборот, хорошо, что не получил сразу две двойки, а ведь вполне мог: со списанными сочинениями Лилия Александровна не церемонилась. Но раз уж так всё обошлось, то и требовать чего-то, доказывать кому-то... Это глупо так корячиться из-за какого-то сочинения. В итоге будем считать, что в этом матче я одержал победу со счётом 3:2. Но, главное, ей не уступил, слабости воли не проявил. В споре с Лилией Александровной нужно всегда было иметь или железные аргументы, или (извиняюсь за вульгарность) железные яйца. Так что я могу собой гордиться.

И это, знаете ли, не пустой звук. Она, например, всегда говорила: «Если решил критиковать за что-то русскую классику, то будь добр предоставить железобетонные аргументы, иначе получишь двойку!» Почему? Русская классика же непререкаема, Пушкин – гений, а ты ученик 9Д класса среднеобразовательной школы номер десять из одного маленького, пусть и небезызвестного захолустья, который к тому же учится еле вытягивая себя аки Мюнхгаузен из болота за кошечку на четыре, и так каждую четверть. У кого авторитет больше? Вот то-то же! Так что если тебе не нравится в рус-

ской литературе образ маленького человека типа стационарного зрителя за бесхребетность, ибо лучше застрелить обидчика и отправиться на каторгу, чем терпеть унижения, то будь добр идти к чёрту! И не важно, что, например, того же Пушкина за «Дубровского» критиковали современники и потомки типа Ахматовой (признававшей несомненный поэтический талант Александра Сергеевича) как пример написавшего довольно посредственное бульварное чтение для широких масс. Ты ж ученик небольшой школы маленького шахтёрского городка на краю света, ни одного сочинения на твёрдую пятёрку не написавший. Какие там мудрые мысли тебе могут прийти, мальчик? Примерно так же рассуждала Лилия Александровна, оценив критический взгляд из сочинения её любимицы Юли Паулаускас всего раз за семь лет, пока мы у неё учились. Вдумайтесь только! Одно сочинение от одного человека за семь лет, с критическими аргументами которой Лилия Александровна согласилась! При всей строгости учительницы Юля действительно заслужила в её глазах звание любимицы. Для нас же она так и осталась подлизой, но тем не менее...

Надеюсь, теперь понимаете, как мне повезло не получить двойку тогда за тот художественный вымысел в сочинении. И к слову именно этот момент в моей жизни, как считаю, дал старт моей литературной карьере, чем я активно занимаюсь и по сей день. Вдумайтесь только, что столь строгая и требовательная учительница как Лилия Александровна писа-

нину ученика девятого класса приняла за серьёзное, а главное изданное произведение неведомого писателя! Это ли не факт признания литературского таланта уже в возрасте, когда Пушкин написал свой первый стих? И прошу прощения, если слишком сильно себя хвалю. В следующий раз советую читать мои произведения в солнечных очках, чтобы не потерять зрение от моей чарующей ослепительности!

***

Но терпение сквозь оскал ненависти было тогда. Осознание, как мне на самом деле повезло с учителем, пришло только в момент объявления результатов ЕГЭ по русскому языку.

Примечательно было то, что по устоявшейся традиции моими профильными предметами в школе были история и география. Знал я их отменно и всегда получал пятёрки. Нужно назвать дату Трафальгарского сражения? Я тут как тут! Нужно показать на карте, где находится Эверест? Без проблем! По этим предметам я был непревзойдённым, и даже наши четыре отличницы, традиционно имевшие самый высокий уровень знаний, уступали мне по истории и географии главным образом потому, что я эти предметы знал углублённо, а не на уровне школьной программы. Ну и, разумеется, собирался сдавать ЕГЭ по этим предметам, рассчитывая на сто баллов по каждому.

Каково же было моё удивление, когда я получил резуль-

таты экзаменов! История – 64 балла, география – 69 баллов, и это притом, что географию я знал хуже истории.

Был ли у меня шок? Да. На фоне результатов по русскому – 73 балла! Я русский язык сдал лучше своего любимого, профильного предмета истории! Как такое возможно? Удачный вариант попался? Сдача по билетам – это тоже лотерея; я в этом убедился, когда сдавал экзамены в девятом классе, но с историей у меня проблем не возникло. Плохая подготовка? Определённые проблемы со свободным эссе на историческую тематику у меня ещё на олимпиадах были, из-за чего на областных всегда пролетал, так что вполне возможно. А вот что до хорошей подготовки по русскому?

Да, чёрт возьми! Да! При всей моей тогдашней неприязни к Лилии Александровне, при всём моём страхе и ужасе перед ней, при всей той строгости, в которой мы закалялись, она дала нам главное – хорошие знания по русскому языку. Не идеальные, не спору, так как я был в знании русского традиционным «хорошистом», но нередко на грани с троечником. Многие к сегодняшнему дню уже источилось, посему больше опираюсь на проверку орфографии и пунктуации в программах для набора текстов типа Word или WPS. Но в тот момент результаты у всего нашего класса были на секундочку одними из лучших в городе, не уступая традиционно лидеру – шестой школе. А лично у меня знания русского были оценены лучше, чем знания любимой истории. Это ли не доказательство того, что Лилия Александровна выпол-

нила свою задачу? Да, она бесспорно это сделала. Вопреки нашей ненависти к ней, нашей неприязни, вопреки нашему страху и презрению к строгости и даже (не побоюсь этого слова) к муштре, она сумела подарить нам знания, которые мы оказались способны применить на практике. Да, своим методом обучения она резала по-живому, и после оставались глубокие, уродливые шрамы, исполосовавшие наши души, но именно они на самом-то деле и были этими самыми знаниями, что помогли в итоге нам сдать экзамен, которым пугали, обещая, мол, не сдадим, мол, испортим себе будущее. В итоге всё получилось наоборот, и то была непосредственная заслуга строгой, но справедливой и знающей своё дело Лилии Александровны.

Волшебным образом все, кто её в школьные годы ненавидел и терпел через силу, потом говорили об учительнице с теплом и уважением. Это и мой одноклассник Толя, у неё круглый троечник, сдавший ЕГЭ на 71 балл, это и мой некогда школьный друг Дима – все мы убедились, что дисциплина в совокупности с хорошей базой поданных знаний были залогом наших хороших результатов.

Кто ж потом Лилию Александровну вспоминал потом с прохладой, так это одна из наших четырёх традиционных отличниц Юля (только не Паулаускас, а Александрова; так-то вообще Юли у нас были три, и все круглые отличницы, что удивительно и забавно). Она винила учительницу в излишней строгости, в том, что на деле быть её любимицей оказы-

валось мукой из-за высокой ответственности и требовательности соответственно, нежели привилегией. У Лилии Александровны каждая отличница, например, должна была попробовать свои силы в олимпиаде по русскому, а отказ участвовать был для неё сродни предательству, после которой любимицей она, конечно, оставалась, но уже не настолько. Так что, как видите, любовь Лилии Александровны к своим ученикам тоже имела свои нюансы.

Я же притом, что со временем, начал уважать и ценить её намного сильнее, потому как результаты экзаменов не оставляют иного выбора, кроме как признать Лилию Александровну действительно самым способным из всех моих школьных педагогов, не могу не отметить и минусов, упомянутых в ходе повествования. Она действительно довольно жёстко высмеивала плохие сочинения. Был бы я педагогом, то на её месте просто ставил бы учеников перед фактом, что у них такая-то и такая-то оценки, а если они с чем-то не согласны или хотят узнать причину двойки, то пусть подойдут, спрашивают и узнают. Высмеивание же на весь класс, хоть Лилия Александровна к её чести и не называла авторов сочинений, на мой взгляд было одной из немногих действительно негативных черт в её педагогической практике. Но с другой стороны в определённой степени закалило меня при критической оценке моих литературных трудов. Так что и тут не могу сказать, что лично сам остался недоволен.

Во всём остальном же она была вне конкуренции, о чём

ярче всего кричали результаты наших экзаменов. Так что долгих ей лет жизни и хороших учеников, а каждому оболтусу строгой дисциплины для качественного улучшения результатов обучения, но без жесты с высмеиваниями сочинений на весь класс, что выводило из себя. Вот так ваши результаты действительно будут хорошими.